

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СЛОЖНОСТИ

П.В. Ополев

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
Омск

Pvo-sinergetica@rambler.ru

В статье рассматриваются актуальные тенденции усложнения социокультурного бытия. В работе намечаются особенности бытия человека, живущего в условиях перманентной социокультурной сложности. В условиях приспособления к социокультурной сложности человек рискует утратить свой онтологический статус. Общество становится всё более сложным, насыщенным знанием и информацией, а человек «распадается» на функциональные подсистемы – модули. В статье автор намечает образ социокультурной сложности, анализирует место человека в складывающихся условиях. Автор приходит к выводу о том, что современный человек превращается в несущую «модули» конструкцию – «каркас», лишенный самостоятельного онтологического статуса.

Ключевые слова: культура, модуль, постмодернизм, сложность, трансформация, человек.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.2-20-27

Существует объективная, закономерная связь между численностью населения и сложностью социальной структуры. Исторически сложилось так, что социальные образования, не имеющие сложной структуры, являются неустойчивыми. Увеличение численности населения сопровождается перестройкой социальной структуры, в результате чего возрастает количество формальных и неформальных связей, моделей поведения человека, видов деятельности, что, с одной стороны, стимулирует культурное индивидуальное многообразие, а с другой стороны, заставляет человека всякий раз приспосабливаться к изменившимся условиям своего бытия. Подобного рода усложнение свидетельствует о движении к социокультурной зрелости, о процессе перехода от «первичной социальной простоты» к «цветущей социальной

сложности». Вместе с тем социокультурное усложнение всегда сопровождается фазами «вторичного упрощения».

Усложнение когнитивных структур сопровождается ростом способности мыслить операционально, предвосхищать отдаленные последствия, оперировать всё более укрупненными информационными блоками и т. д. Одновременно происходит «вторичное когнитивное упрощение», связанное с утратой как бы отживших навыков, ценностей, представлений. К примеру, современный подросток легко осваивает персональный компьютер, но вместе с тем испытывает трудности в осуществлении простейших арифметических операций в уме. Повсеместно прививаемое умение читать текст молча сопровождается отсутствием у современного человека навыка внятного прочтения текста вслух. В насто-

ящее время техники письма, чтения, счета являются привычными и даже рутинными, в то время как умение ориентироваться в природе, читать следы животных становится узкоспециальным знанием.

Попытка обосновать трансформации социокультурной действительности, определить место человека в текучей и изменчивой современности была предпринята в рамках постмодернизма. Постмодернизм выступил в роли своеобразной идеологии человека нового типа и одновременно апологии сложившегося мировоззренческого кризиса. В попытке наметить программу преодоления социокультурной сложности постмодернизм отказывается миру в системности, отрицает его целостность, упорядоченность и устойчивость его частей. Как справедливо отмечает С.А. Храпов, «постмодернистское декларирование абсолютизации свободы элиминирует классическую модель совершенности и законченности, предлагая в качестве альтернативы процессуальность, эмерджентность, направляя процесс самоорганизации личности в сферу эксперимента, перформанса, техногенного совершенствования» [10, с. 67].

Опуская рассмотрение многочисленной литературы, посвященной постмодерну и феномену массовой культуры, отметим, что постмодернистский дискурс не представляет собой однородного явления. Для нас важно, что на фоне обострения социокультурных противоречий западной цивилизации, кризиса ценностей модернизма постмодернизм рефлексировал ощущение «вторичного упрощения»: социальной атомизации, перманентной социальной катастрофы, нестабильности и упадка. Постмодернизм, будучи идеологией разлома и децентрации, направлен на разрушение всяких оснований, противопоставляет

себя вербально-дискурсивной культуре западной цивилизации. В результате отказа от «тирании целого» бытие человека атомизируется, распадается на множество отдельных, иногда не связанных друг с другом переживаний. Сложность человеческого бытия оборачивается невозможностью человека интегрировать многообразие переживаний (социальных, культурных, экзистенциальных) в общезначимое представление о действительности и себе самом. Вариативность бытия человека приводит к размыванию представлений о сущностных характеристиках человека.

Современная западная культура утратила простые отношения с вещами. Социокультурная сложность становится перманентной. Человек не успевает приспособиться к усложняющейся социальной организации, что обуславливает снижение уровня когнитивной сложности. Складывается впечатление, что современность рискует перевернуть представления о мере человеческого в человеке «с ног на голову». Однако современные исследования трансформаций, происходящих в культуре, по-прежнему делают акцент то на самой «ситуации постмодерна», то на феномене массовой культуры. Представления о человеке как экзистенциальном субъекте и его реальные переживания социокультурной сложности как бы выпадают из рассмотрения. Облик «нового» человека оказывается трудно различим на фоне идеи тотальной семиотизации бытия.

Бытие современного человека атомизируется. Как подметили Ж. Делез и Ф. Гваттари, «Мы живем в эпоху частичных объектов, кирпичиков и остатков. Мы больше не верим в те фальшивые фрагменты, подобные обломкам античной статуи, которые ожидают, что их восполнят и склеят, чтобы

сформировать единство, которое является также и изначальным единством. Мы больше не верим ни в изначальное единство, ни в конечное единство» [4, с. 72]. Сложность человеческого бытия оказывается проявлением его вариативности, растворенной в многообразии его субъективных проявлений. Постмодернизм, отрицая саму возможность оригинального текста, использует понятие «конструкция» для обозначения «подвижной мозаики принципиально вторичных дискретных элементов, перманентно изменяющих свою конфигурацию» [5, с. 502–503]. С некоторыми оговорками данное определение можно перенести и на облик современного человека в целом. Современный человек – это «мозаика» разнообразных социальных стереотипов и культурных шаблонов. Человек вынужден всякий раз реконструировать самого себя в надежде найти адекватный ответ вызовам современности.

Ускоряющийся поток социальных и культурных инноваций захлестывает современного человека с головой. Долгое время культура органично «умещалась» в сознании ее носителей. Знания и информация распространялась медленно, поток событий, темп изменений позволял человеку их эффективно усваивать. В сознании субъектов культуры органично сосуществовали ключевые элементы обыденных, предметно-практических, этических, религиозных и других знаний, а количество социальных ролей, которые играл человек, было вполне определенным и не слишком большим. Изобилие, порожденное прогрессом, избавляет человека от необходимости бороться за выживание, стимулирует появление ложных потребностей, лишенных витальных оснований, что, с одной стороны, способствует индивидуализации, а с другой

стороны, лишает человека представлений об общезначимых смысложизненных ценностях.

Прогресс долгое время связывался с постепенным усложнением человеческого знания. Путь к благу, к совершенному и просвещенному обществу мыслился через последовательное умножение знания. Вместе с тем усложнение социокультурной действительности, увеличение темпа социальных изменений оборачиваются «упрощением» человека. Рост информационного давления и избыток информации оказывают обратный эффект на отдельного человека. Общество становится всё более сложным, насыщенным знанием и информацией, а человек, напротив, утрачивает возможность их адекватного усвоения.

Современный человек не может охватить все многообразие существующих знаний, что, с одной стороны, делает необходимым их вульгаризацию, а с другой – способствует тому, что само знание становится всё более «стерилизованным» и специализированным. Если процесс вульгаризации знания делает его максимально доступным для обывателя за счет упрощения его содержания, то «стерилизация» знания предполагает максимальное удаление поля скрытых смыслов, образов и кодов. Современный человек живет в условиях «готового знания», обращенного к конкретной аудитории. Как сказал Ж. Бодрийяр, «мы живем в мире, где существует всё больше информации и всё меньше смысла» [2, с. 109]. Интерпретация, рефлексия становятся тратой дефицитного времени. В обоих случаях мы имеем дело с когнитивным упрощением. Очевидно, что для восприятия такого рода обильного, но стерилизованного потока информации человек должен быть максимально «простым». Как справедли-

во отметил Хосе Ортега-и-Гассет: «Речь не о том, что массовый человек глуп. Напротив, сегодня его умственные способности и возможности шире, чем когда-либо. Но это не идет ему впрок: на деле смутное ощущение своих возможностей лишь побуждает его закупориться и не пользоваться ими» [8, с. 62, 63].

Социокультурная сложность оказывается пространством усредненного, тиражируемого и легко усвояемого знания в том случае, если речь идет о человеке массы. В феномене массы проявляется всеобщий механизм адаптации индивида к ускоряющемуся развитию общества и избытку информации. В силу как объективных (объем информации), так и субъективных причин (отсутствие необходимых компетенций) человеческое сознание вынуждено «скользить» по поверхности явлений. Сложные исторические события сжимаются в совокупность простых, коротких игровых моментов, театральных постановок, исторических шоу, псевдоисторической документалистики. Философские системы, которые оттачивались в результате перекрестной критики выдающихся мыслителей, распадаются на цитаты и высказывания, сжимаясь до вырванных из контекста афоризмов. Изучение классической литературы сводится к прочтению краткого содержания, в котором нивелируется содержательная сложность и красота литературного языка. При этом не остается места для собственных размышлений, эстетического наслаждения от прочитанного и сопереживания героям произведения.

Человек утрачивает видение себя как целого. В попытке приспособиться к лавине быстро меняющихся событий и перемен человек вынужденно распадается на множество фрагментов, каждый из кото-

рых обращен к определенному аспекту социокультурного бытия. Отношения с собой, другими людьми, с культурой строятся по функциональному принципу. Современный человек «простой» не потому, что глуп, а потому, что состоит из совокупности функциональных подсистем, каждая из которых обращена к определенному аспекту действительности. Проект человека, отражающего современность, может быть назван модульным.

Термин «модульный человек» мы встречаем у Э. Тоффлера в его попытках определить человеческие отношения в условиях короткоживущего социума: «Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей его личности» [9, с. 113]. Э. Гелнер превозносит модульного человека как человека нового типа, полагая, что именно он лежит в основании современного гражданского общества. Существенным недостатком «ветхого» – цельного – человека Э. Гелнер считает невозможность существовать в условиях релятивизма, социокультурной сложности и социальной неопределенности: «Отсутствие модульности исключает возможность выбора технологии по принципу эффективности. Вместо этого любую человеческую деятельность приходится рассматривать (если она вообще подвергается при этом анализу) с учетом множественных, неуловимых и крайне сложных отношений, связывающих ее с органическим, неделимым культурным целым» [3, с. 118].

В условиях постоянного устаревания информации от современного человека требуется не глубина познаний, а, скорее, умение отбирать самую необходимую информацию – полезную и актуальную. Инструментализм и прагматизм человека на-

ходит свое содержательное наполнение в его модульных характеристиках. Число социальных ролей, которые человек должен играть (и предварительно освоить), и количество каналов коммуникации возрастают экспоненциально. В условиях социальной нестабильности и неопределенности «упрощение», дробление на «простые» модули способствует активной приспособляемости человека к сложному социокультурному пространству.

От современного человека требуется сложное мышление, которое является реакцией на сложность бытия человека. Сложное мышление призвано преодолеть антиномию этического волюнтаризма и фатализма, ответить на вопрос: какова же роль индивидуальности и доля ее ответственности в мире сложных коллективных эффектов? В результате у человека возникает соблазн снять с себя ответственность в мире, где правит сложность. Ибо человек зачастую вынужден поступать тем или иным образом не в результате личных решений, а под влиянием объективной и субъективной сложности своего бытия [6, с. 99].

Сложное поведение в условиях «короткоживущего» социума задействует не человека как целого, а человека как совокупность «простых» модулей. В результате сознание человека также становится «модульным». Набор эмоционально-образных суждений о реальности сливается с конкретно-практическими моделями поведения, вследствие чего познание становится человекомерным, отражая не только характеристики объектов, семантические и синтаксические особенности знания, но и зависимость от субъекта, его ценностно-целевых структур и той познавательной среды, в которую он оказывается погруженным.

Человеческая личность теряет автономно, утрачивая потребность в подлинной социальной активности. В условиях объективной социальной нестабильности человек вынужден смириться с темпом социальных и культурных изменений. Вместо социальной активности модульный человек предпочитает индивидуальную настройку своих «функциональных подсистем». Современное общество предлагает модульному человеку огромное количество вариантов настройки, «кастомизации». Предметом настройки становятся отдельные аспекты человеческого бытия, инструментальные характеристики которого заключены в тех или иных модулях. Достаточно вспомнить, что образ успешного человека зачастую состоит из атрибутов и проявлений его успешности: материальных возможностей, карьеры, образования и т. д. Мы с трудом можем дать определение понятию «успешный человек», но с легкостью перечислим его сопутствующие атрибуты.

Онтологический статус человека изменяется. Собственно говоря, эти самые «модули» в полной мере не принадлежат самому человеку, поскольку они отражают не эссенциальные характеристики человека, а особенности переживаемой им социокультурной реальности. Современный человек не принадлежит сам себе, он превращается в несущую модули конструкцию – в каркас. Если определить понятие «конструкт» как «искусственное образование со служебными функциями» [1, с. 501], то модульный человек в принципе не нуждается в особом онтологическом статусе. Перефразируя на современный лад Протагора, можно сказать, что «вещь есть мера человека существующего». Вещи подменяют эссенциальные характеристики человека. Получается, что

человек настолько человек, насколько он соответствует тем вещам, которыми он обладает. Человек есть то, чем он в данный момент занимается, какую социальную роль реализует.

Современный человек словно «прикрепляется» к вещам, идеям, социальным нормам, обретая в них свое бытие. Известная поговорка «Не место красит человека, а человек место» в настоящее время звучит с точностью наоборот. Человек становится своеобразным фоном для вещей, идей и событий. Популярны в настоящее время «селфи» представляют собой не просто разновидность автопортрета, а яркую иллюстрацию вышеназванной мысли. Акцент «селфи» делается не на личности человека, а на ситуации (по возможности максимально неординарной), в которой оно было сделано.

Известный дельфийский призыв «Познай самого себя» на современный лад звучит как «Построй самого себя», акцент смещается с самопознания на самоконструирование. Причем конструировать себя предлагается не в соответствии с представлениями о высшем смысле, а в соответствии с текущими потребностями современности. Предметом конструирования может быть тело, психика, сексуальность, социальный статус, отношения между полами и т. д.

«Модульный человек» считает выдающимся достижением соответствие веяниям времени. Если у Ж.-П. Сартра человек есть «проект самого себя», то в настоящее время человек – это проект текущей современности. Новый антропологический тип – это своеобразный коллаж на фоне постоянно меняющейся повседневности. В таких условиях нравственность оказывается вторичным качеством (причем скорее вредным, чем полезным), на ее место

приходит способность управлять и быть управляемым. Система ценностей заменяется системой предпочтений, а классические проблемы морали и нравственности вытесняются. Такого рода приспособление к социальной сложности осуществляется в четырех направлениях: в стремлении обладать вещами, которые соответствовали бы времени, в активизации игровых практик, в формировании «текущей морали» и в снижении уровня когнитивной сложности [7, с. 149].

История человеческой культуры знает множество примеров социокультурного усложнения и последующего вторичного упрощения: от стада ранних гоминид до современных политико-экономических структур мирового сообщества. Вместе с тем в условиях все возрастающего давления социокультурной сложности человек погружается в состояние беспрецедентной хронической тревоги. Отказ от целостного представления о собственном бытии видится как возможность, с одной стороны, преодолеть это тревожное состояние, а с другой – вписаться в социокультурную сложность. Попытки постмодернизма снять это состояние посредством децентрации и деконструкции оборачиваются потерей человека как целого.

Подводя итоги, отметим, что человек в рамках современной социокультурной действительности мыслится операционально и инструментально, исчезая в качестве экзистенциального субъекта. Экзистенциальное пространство человеческого бытия выступает в роли побочного продукта переживания сложной социокультурной реальности. Утрачивая онтологический статус, современный человек делегирует его вещам, ситуациям, социальным ролям. Модульный человек становится придатком ин-

формационного пространства, утрачивая бытийный статус и лишаясь внутреннего существования.

Литература

1. *Абушенко В.А.* Конструкт // Всемирная энциклопедия. Философия / науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор, 2001. – С. 501–502.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
3. *Геллер Э.* Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 239 с.
4. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
5. *Можейко М.А.* Конструкция // Всемирная энциклопедия. Философия / науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор, 2001. – С. 502–503.
6. *Ополев П.В.* Метафизика сложности и «сложного мышления» // Омский научный вестник. – 2014. – № 1 (125). – С. 96–99.
7. *Ополев П.В.* Особенности бытия сложного социума // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6 (44). – С. 146–149.
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс: пер. с исп. – М.: АСТ, 2001. – 509 с.
9. *Тэффлер Э.* Шок будущего: пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 557 с.
10. *Храпов С.А.* Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации // Вопросы философии. – 2014. – № 9. – С. 66–75.

A PERSON IN THE CONDITIONS OF SOCIOCULTURAL COMPLEXITY

P.V. Opolev

Siberian State Automobile
and Highway Academy,
Omsk

Pvo-sinergetica@rambler.ru

In the article the author considers the tendencies of transformation of human life in the conditions of permanent sociocultural complexity. The social structure becomes more and more complicated, saturated with knowledge and information and a human being at the same time falls apart into functional subsystems – modules. Getting adjusted to the new conditions of sociocultural complexity a person risks to lose his/her ontological status. In the article, using the idea of modularity, the author describes the image of sociocultural complexity and the place of a person in the emerging conditions. The author comes to the conclusion, that a modern person, adapting to sociocultural complexity, turns into a «framework» construction comprised of «modules», deprived of any independent ontological status.

Keywords: culture, module, postmodernism, complexity, transformation, person.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.2-20-27

References

1. Abushenko V.L. Konstruct [Construct]. *Vsemirnaya ebntsiklopediya. Filosofiya* [World encyclopedia. Philosophy]. Moscow, AST Publ., Minsk, Harvest Publ., Sovremenniy literator Publ., 2001, pp. 501–502.
2. Baudrillard J. *Simulacres set simulation*. Paris, Galilée, 1981 (Russ. ed.: Bodriiyar Zh. *Simulyakry i simulyatsii*. Translated from French. Moscow, Postum Publ., 2015. 240 p.).
3. Gellner E. *Conditions of Liberty: civil society and its rivals*. London, Hamish Hamilton, 1994 (Russ. ed.: Gelner E. *Usloviya svobody: grazhdanskoe obshchestvo i ego istoricheskie soperniki*. Translated from English. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2004. 239 p.).
4. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme ets chizofrenie. L'Anti-Edipe*. Paris. Minuit, 1972 (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip. Kapitalizm i shizofreniya*. Translated from French. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 672 p.).
5. Mozheiko M.A. Konstruktsiya [Structure]. *Vsemirnaya ebntsiklopediya. Filosofiya* [World encyclopedia. Philosophy]. Moscow, AST Publ., Minsk, Harvest Publ., Sovremenniy literator Publ., 2001, pp. 502–503.
6. Opolev P.V. Metafizika slozhnosti i “slozhnogo myshleniya” [Metaphysics of complexity and “complexity of thinking”]. *Omskii nauchnyi vestnik – Omsk Scientific Bulletin*, 2014, no. 1 (125), pp. 96–99.
7. Opolev P.V. Osobennosti bytiya slozhnogo sociuma [Specifics of existence of complex social stratum]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2014, no. 6 (44), pp. 146–149.
8. Ortega y Gasset J. *La rebelión de las masas* [The Revolt of the masses]. Madrid, Revista de Occidente, 1930 (Russ. ed.: Ortega-i-Gasset Kh. *Vosstanie mass*. Translated from Spanish. Moscow, AST Publ., 2001. 509 p.).
9. Toffler A. *Future shock*. New York, Random House, 1970 (Russ. ed.: Toffler E. *Shok budushchego*. Translated from English. Moscow, AST Publ., 2004. 557 p.).
10. Khrapov S.A. Tekhnogennyi chelovek: problemy sotsiokul'turnoi ontologizatsii [Technogenic person: problems of a sociocultural ontologization]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 2014, no. 9, pp. 66–75. (In Russian)